

Сергей Иванович Гордеев
Харьковская государственная академия культуры
(Украина, Харьков)

УРОКИ МАСТЕРСТВА ФИРСА ШИШИГИНА

Аннотация: В статье, написанной в форме воспоминаний, автор рассказывает о творческом и педагогическом влиянии на его профессиональное становление как режиссера народного артиста СССР Ф. Е. Шишигина во время прохождения стажировки в Ярославском театре им. Ф. Г. Волкова (1970–1972 гг.). Особое внимание уделяется исследованию творческого метода Ф. Е. Шишигина в работе с актерами над спектаклем «Единственный свидетель», для чего используются материалы дневниковых записей, которые велись автором статьи во время репетиций и выпуска спектакля.

Ключевые слова: Ф. Е. Шишигин, актер, режиссер, педагог, Ярославский театр им. Ф. Г. Волкова, театральная школа, репетиция, спектакль «Единственный свидетель».

Sergey Gordeev
Kharkiv State Academy of Culture
(Ukraine, Kharkiv)

Firs Shishigin's Lessons of Mastership

Annotation: The article is a recollection of how People's Artist of the USSR F. E. Shishigin exerted his creative and pedagogical influence on the author's professional development as a director during his internship at the Yaroslavl Theatre named after F. G. Volkov (1970–1972). Special attention is paid to a study of F. E. Shishigin's creative method while working with actors on the play "The Only Witness". The author of the article uses the notes from the diary that he kept during the rehearsals and release of the play.

Keywords: F. E. Shishigin, actor, director, teacher, Yaroslavl Theatre named after F. G. Volkov, drama school, rehearsal, play "The Only Witness".

Профессии театрального режиссера меня выучил Фирс Ефимович Шишигин. К пониманию этого я пришел еще будучи студентом режиссерского отделения Харьковского института искусств, когда под его руководством в 1970–1972 гг. состоялась моя стажировка в

Ярославском театре имени Ф. Г. Волкова. Помню об этом и теперь. Мастер незримо сопровождает меня, я слышу его голос, ощущаю тембр и манеру говорить, представляю, как он двигается в репетиционном зале и на сцене во время репетиции. Подобно ему и сам «взрываюсь», если студенты, которым преподаю режиссуру, не выполняют поставленные перед ними задачи.

Более пятидесяти лет я отмечаю важный для меня день 30 августа – день рождения Фирса Ефимовича Шишигина. Восхищаюсь Мастером, как личностью, поражаюсь глубине его знаний, подхода к профессии и к творчеству вообще. Многие принципы в режиссуре, работа с коллективом Театра им. Ф. Г. Волкова, занятия лаборатории при театре – просто кладезь идей для современных театральных педагогов. Иногда я думаю о том, что наследие Шишигина театральной наукой до сих пор не изучено. А жаль, время бежит... Свидетелей его режиссерского и педагогического творчества с каждым годом становится все меньше.

Ко времени встречи с Шишигиным я успел поработать как ассистент в спектакле «Мои знакомые» режиссера Волковского театра Всеволода Ивановича Цветкова – в прошлом моего педагога по актерскому мастерству в Ярославском театральном училище, которое я окончил в 1967 году. Он и направил меня к Фирсу Ефимовичу. Так началось мое сотрудничество с Мастером, которое вылилось в настоящую профессиональную школу. Со временем наши творческие отношения переросли и в дружеские. Шишигину было уже за шестьдесят... Вопросы передачи своего опыта, вероятно, серьезно волновали режиссера. Ему было необходимо, кроме воспитания актеров в ярославском театральном училище, иметь учеников-режиссеров! И тут я, как “тень”, рядом и днем, и вечером, а иногда и за полночь...

Фирс Ефимович сначала взял меня ассистентом режиссера в спектакль «Единственный свидетель» по пьесе А. и Е. Тур, который он ставил в декабре 1970 года, затем – в качестве режиссера в спектакль «Штурманы грядущих бурь» Н. Севера, и, наконец, был художественным руководителем моего дипломного спектакля по пьесе В. Покровского «Как я отдыхал!».

В моем архиве хранится множество тетрадей с записями репетиций, конспекты лекций, прочитанные Шишигиным в режиссерской лаборатории, экземпляры пьес, мои режиссерские дневники, премьерные программки спектаклей с автографами Мастера, а еще уцелели в памяти факты, послужившие основой для этих воспоминаний.

Ярославский театр им. Ф. Г. Волкова отличался высокой культурой и, главное, интересной по своему творческому составу труппой. Ведущие актеры среднего и старшего поколения, которых я застал в зените их творчества, покоряли своим талантом и мастерством.

Первая моя встреча с Фирсом Ефимовичем состоялась в его рабочем кабинете, то есть в том самом месте, где пришлось потом пережить так много волнений, радости, страха, отчаяния и надежд мне и каждому актеру, режиссеру, сотруднику театра, переступавшему его порог. Встреча длилась недолго, судя по записям в дневнике это было 21 октября 1970 года. Первый вопрос Фирса Ефимовича: «Документы привез?».

Я ответил: «Да, привез». И отдал направление от института на стажировку.

Ф. Е.: – Будешь работать у меня в спектакле «Единственный свидетель» А. и П. Тур. Быстро доставай пьесу, читай, делай распределение ролей (актерский состав театра ты знаешь) и приходи ко мне» [Гордеев].

Вопрос оказался сложным, так как в этом году в Волковский театр были приняты актеры, которых я не знал, но в текущем репертуаре они уже были заняты. Я внимательно прочитал пьесу, сделал «досье» на каждую роль, что помогло мне составить представление о каждом из героев пьесы, написать на них характеристики и использовать их при выборе актеров на роли.

Вскоре состоялась следующая встреча с Мастером, на которой я вручил ему свое распределение ролей. Шишигин посмотрел, ничего не сказал, предложил дожидаться официального, окончательного распределения. Тут же дал мне новое задание, которое для меня оказалось особенно важным. Оно касалось детального изучения драматической первоосновы – пьесы «Единственный свидетель» и ее режиссерского анализа, который включал в себя следующие этапы:

«Схема режиссерского анализа» [Гордеев]:

0. Первое впечатление от пьесы (зародыш зерна).

1. Режиссерское прочтение пьесы: зерно пьесы («телеграмма», эмоциональное накопление знаний о пьесе, в ощущениях, видении отдельных характеров, мизансцен и т.д.).

2. Тема пьесы, ее актуальность для зрителя.

3. Идея пьесы.

4. Цель (сверхзадача).

5. Роли (выявление характеров действующих лиц).

6. «Предлагаемые обстоятельства».

7. Пьеса, как событие.

8. Время: пьесы, действия, эпоха, время года, время суток, недели, дни.

9. Место действия.

10. Действие (сквозное и контрдействие).

11. Жанр.

12. Быт и характеристика эпохи, отраженной в пьесе (что я, как режиссер, возьму из быта, вещей и костюмов).

13. Развитие действия (сюжет, фабула, композиция). Расчленение пьесы на события, выделение главных событий.

14. Всё, что могу сказать про восприятие пьесы на слух (шумы, язык, музыка).

15. Визуальное восприятие пьесы (как вижу зрелищно).

16. Атмосфера пьесы, в которой живут персонажи (сцепление всех частиц, «воздух»).

17. Темпо-ритм пьесы и ее композиционные особенности.

18. Режиссерский прием, с помощью которого будет воплощаться пьеса.

19. Образное решение будущего спектакля (как будет воплощаться идея спектакля: образный строй, сравнения, метафоры, гиперболы, ассоциации).

В заключение нашей встречи Шишигин подчеркнул, что каждый раз, приступая к новой постановке, разбирает пьесу по такой схеме. И добавил, что режиссер только тогда имеет право выходить к актерам, когда хорошо знает пьесу, верно ее понимает, глубоко чувствует и образно видит [Гордеев].

Когда в театре стало известно, что Шишигин собирается ставить пьесу А. и П. Туров «Единственный свидетель», это несколько озадачило, но и заинтриговало актеров и многих работников театра. Все знали, что пьесу уже ставят во МХАТе. Непродуманных шагов Шишигин себе не позволял, значит видел в этой затее нечто интересное.

Приняв к постановке пьесу “Единственный свидетель”, режиссер хорошо понимал, что это – не классика, что драматургия в развитии сюжета требует доработки. Его привлекал замысел пьесы, ее идея и герои, которые были не плоские, не ходульные. Особенно героиня. Это была талантливая личность, в ней чувствовался масштаб и умение решать трудные проблемы.

До репетиций пьесы мы регулярно начали встречаться с Фирсом Ефимовичем и готовиться к работе с актерами. Параллельно нашим встречам шла работа композитора Льва Присса, который сочинял музыкальную драматургию будущего спектакля. В понимании

Шишигина «Единственный свидетель» – пьеса о том, как в суете жизни талантливый человек незаметно для себя может потерять чувство совести, растрачивая талант, данный ему от Бога. Уже на стадии разработки партитуры будущего спектакля Фирс Ефимович стремился перевести бытовой сюжет пьесы в разряд философской притчи. И это давало возможность режиссеру говорить со сцены о человеке очень подробно и глубоко.

На режиссерской коллегии Волковского театра был принят макет будущего спектакля (художник-постановщик Александр Матвеевич Левитан). Перед демонстрацией макета Александр Матвеевич сообщил собравшимся о принципе сценографического решения спектакля. Он подчеркнул, что толчком для разработки замысла была идея показать, что в пьесе происходят «операции на сердце» у всех героев. И своеобразным «скальпелем», с помощью которого происходят эти операций, является человеческая *совесть*. Оформление решалось в пластиковой белой фактуре с применением хлорвиниловых пленок на черном бархатном фоне-заднике. Декорация стояла на круге. Смена картин осуществлялась с помощью поворота круга, а связующим компонентом был калейдоскоп красок (световая имитация смены картин как в детском калейдоскопе). Макет всеми членами коллегии был принят безоговорочно, кроме некоторых несущественных деталей.

На этом же заседании коллегии Шишигин представил меня как своего ассистента в спектакле «Единственный свидетель» и зачитал распределение актеров по ролям, которое я ему ранее предложил. В результате обсуждения, с этим распределением все согласились, заменили лишь двух актеров.

Общение с Фирсом Ефимовичем было ежедневным, наполненным таким интенсивным трудом, что, возвращаясь ночью к себе после репетиций и встреч у него дома, во время которых подводились итоги работы и намечались новые планы, я, как подкошенный, валился на кровать, счастливый от прожитого дня. И таких встреч в домашней обстановке было достаточно много. Особенно осталась в памяти первая, которую я записал в режиссерском дневнике 30 ноября 1970 года.

«При встрече я обратил внимание на то, что Фирс Ефимович вел себя дома совсем иначе, чем в театре. Сначала говорили о будущем спектакле. Я показал выписки по костюмам и реквизиту для “Единственного свидетеля” и собрался было уходить. Фирс Ефимович меня остановил и предложил задержаться. Я видел, что настроение у него хорошее и ему явно хотелось поговорить “по душам”. В неофициальной обстановке Шишигин оказался более доступен, чем в

театре, прост в общении. У меня он даже вызывал улыбку, т.к. ходил по дому в спортивных штанах и майке. Его супруга – актриса Театра им. Ф. Г. Волкова Лидия Яковлевна Макарова в это время была на кухне и вслух учила роль. Фирс Ефимович сегодня на репетиции отругал ее за то, что она не знает текст роли. После того, как Лидия Яковлевна принесла нам чай, Фирс Ефимович усадил меня на стул и неожиданно предложил послушать стихи из своего дневника, который он вел в 1963 году, находясь в больнице в тяжелом состоянии. Кто-то принес ему сонеты Шекспира и под впечатлением от них, он решил тоже попробовать написать свои сонеты. В этот вечер Шишигин прочитал мне их все 30! Написаны они были автором неплохо по стилю и содержанию. Для меня в них отразилась судьба большого художника, пережившего жизненную драму, связанную с тяжелой болезнью. И при этом, человека сильного, волевого, сумевшего победить свой недуг. Вспоминаются строчки сонета про кактус. Вот его примерный текст:

...Из всех цветов – люблю я кактус больше!

За то, что он колюч, он стоек.

И если жизнь его пусть даже изжует,

Он все-таки выстоит, выпрямится, себя найдет!

В заключении Фирс Ефимович сказал, что кактус-это его любимый цветок. И еще, улыбаясь, добавил: “А еще я люблю пиво, цыганские песни и рыбалку!”. После этого на столе появилось пиво, которое достала из холодильника Лидия Яковлевна. И Шишигин еще много рассказывал о себе и как хотел поставить «Двенадцатую ночь» Шекспира. В этот памятный вечер я встретился с человеком необыкновенной щедрости души, доброты и безграничной творческой фантазии» [Гордеев].

Возвращаясь к спектаклю «Единственный свидетель», необходимо отметить, что он задумывался Шишигиным как экспериментальный. Режиссер, будучи продолжателем традиций школы Станиславского, развивал его методологию: действенный анализ пьесы явился для него основным инструментом в работе с актерами над пьесой. И здесь необходимо отметить, что Шишигин сделал очень многое для исследования актерской природы и воспитания актера, создав режиссерскую лабораторию при Ярославском театре им. Ф. Г. Волкова. В ней занимались режиссеры театра, художники, пытающиеся ставить спектакли, актеры, стремящиеся в режиссуру. На сегодня неизвестно (ибо про это никто как следует не подумал), насколько творческий метод Шишигина, его художественные приемы могли иметь влияние на В. Солопова, Н. Ковалю, С. Тихонову,

В. Цветкова, В. Давыдова и автора этих строк, а позже – на Е. Марчелли и В. Кириллова. Среди всех участников занятий в лаборатории я был самым молодым. Фирсу Ефимовичу со мной было легко: я, как губка, старался впитывать все, что исходило от Мастера. Он это чувствовал и, по-своему, ценил, делился замыслами, которые касались теории режиссуры, организации и постановки будущих спектаклей. Для меня это была «идеальная педагогика»: счастливая и суровая. Шишигин был очень озабочен тем, что касалось моего профессионального роста: давал читать книги по режиссуре и актерскому мастерству, советовал, как лучше выполнить его задания в процессе подготовки репетиций и отчего, напротив, следует уклониться. Для меня опыт, приобретенный у Шишигина, был важнее, чем тот, что я уже получил в институте. Я учился у него мастерству, бескомпромиссности, жажде работать.

В моем режиссерском дневнике сохранились записи по работе над спектаклем «Единственный свидетель». Они, в какой-то мере, дают представление о режиссуре Шишигина. На первой репетиции, посвященной сверке ролей, Фирс Ефимович предупредил актеров: «Мы должны проверить правильность текста и одновременно совместить техническую работу с творческой». Просил не читать текст, а разговаривать друг с другом с учетом логики развития действий и событий. «У нас с вами в работе над этой пьесой должен быть взят очень большой разгон энергии, ни одной минуты в пустую, на постановку отводится всего 39 репетиций. Эта работа характерна еще одним обстоятельством: меня волнует вопрос методологического единства. Речь идет о способе правильного, современного подхода к постановке спектакля. В результате – я хочу привести коллектив к общему знаменателю, сделать все то, что обещал, когда готовился к постановке “Дяди Вани”, которую осуществить не удалось. Прошу актеров, занятых даже в маленьких ролях, ходить на все репетиции. Особенно во время “застольного периода” и участвовать в разборе пьесы, т.к. буду работать по методу действенного анализа. Позже, в период “планировочных” репетиций будет труднее собрать всех участников спектакля из-за сокращенных сроков. В “застольный период” мы будем определять сценические задачи. Нахождение актерских задач, событий, действия будет иметь принципиальное значение в подходе к общему знаменателю» [Гордеев].

На последующих репетициях «Единственного свидетеля» Шишигин вместе с актерами подробнейшим образом анализировал текст пьесы, вскрывал ее событийно-действенную основу, отделяя главное от второстепенного. Режиссер требовал от актеров правды

жизни, логики и последовательности действий, психологической оправданности, разрабатывал вместе с ними партитуры ролей, исходя из своего замысла, трактовки пьесы и ее сценических образов. В ходе репетиций Шишигин обращался к актерам: «Я советую взять прицел, чтобы иметь ориентир, который очень прост: пьеса вырастает из “зерна”, связанного с тревожной заботой авторов о творческом начале человека. И здесь главным мерилом становится совесть. У меня она ассоциируется с большим кристально-чистым белым цветком. Мы придем к идее, о которой заботится автор, путем раскрытия событий и поступков героев пьесы. В работе над спектаклем мы должны пройти два периода: первый – определение логики поведения героев, и второй – сценическое воплощение спектакля во всех выразительных средствах» [Гордеев].

В процессе репетиций Фирс Ефимович указывал на сильные и слабые стороны драматургии, особое внимание уделял словесной ткани пьесы, справедливо полагая, что слово является главным выразителем авторской и режиссерской мысли. Мне приходилось наблюдать за работой Шишигина с актерами над текстом, словесной партитурой спектакля и роли. В каждом случае скрупулезно изучалось звучание речи, исходя из стиля пьесы, ее ритма, характеров действующих лиц, их социально принадлежности. Не случайно в ходе репетиций «Единственного свидетеля» были сокращены сцены, не соответствующие ритмическому развитию действия, событий, подлинной органики живой сценической речи. Исходником для нее служил человеческий характер. Шишигин прививал актерам бережное отношение к авторскому тексту, воспитывал умение найти в нем главную мысль и выражающее ее слово. На каждой репетиции для меня открывалось что-то новое, ощущались контуры будущего спектакля.

Работа над спектаклем шла ежедневно, в основном под руководством Шишигина, а когда он был занят, проводить репетиции он доверял мне.

Вспоминается моя первая репетиция, записанная в дневнике 3 декабря 1970 года: «Сегодня было “крещение”»: Фирс Ефимович поручил мне провести вечернюю репетицию. Работали сцены из 1 акта. Задачей было закрепить найденный утром в планировке общий рисунок сцены, актерски “обжить” мизансцены каждого персонажа. После репетиции мы шли домой вместе с Шишигиным и обсуждали мой дебют. Я рассказал ему, как прошла репетиция и о том, что актеры меня “приняли”, неловкостей не возникало, работали честно и добросовестно. Фирсу Ефимовичу это понравилось, и он сказал, чтобы

с этого дня вечерние репетиции я проводил самостоятельно, что даст возможность вовремя выйти на следующий этап в работе над спектаклем на сцене» [Гордеев]. Так постепенно весь стиль репетиционной работы, давно сложившийся в прочную «Волковскую традицию», становился для меня все ближе и понятней. В самостоятельной работе с актерами я пытался использовать методику Шишигина в поиске логики и последовательности актерского исполнения. При этом я помнил его наставления о том, что режиссерский замысел, созданный в кабинете, требует проверки на сценической площадке и соучастия в этом всей творческой группы. Это меня чрезвычайно увлекало, будило мысль, воображение, вызывало желание понять и проверить на практике его режиссерскую школу. Спектакль строился шаг за шагом, каждая репетиция прибавляла малую толику понимания хода событий. На репетиции он мог прошептать мне: «Здесь должно быть... Понял?». И я в ответ «Да, конечно!». Шишигин кивал удовлетворенно, в полной уверенности, что на завтрашней репетиции актеры вместе со мной закрепят сцену по его указаниям. Он со скрупулезностью ювелира выстраивал с актерами психологические линии ролей, намечая для каждой свой пластический рисунок.

К концу «планировочного периода» режиссер уже не останавливался на отдельных сценах. Его вниманием владели более крупные задачи: стремление к синтезу всего того, что было наработано на репетициях, созданию самого спектакля, его формы. Наконец, начались генеральные репетиции, и под новый год спектакль «Единственный свидетель» был выпущен. Принят он был «на ура» и художественным советом, и руководством города, и зрителем. Премьера прошла с большим успехом!

За время работы над спектаклем мы с Фирсом Ефимовичем подружились. И, как оказалось, на многие годы. На программке «Единственного свидетеля», подаренной мне в день премьеры, Мастер написал: «Дорогой Сереженька! Не забывай Волковский дом! Спасибо тебе за всё! Авось еще поработаем вместе! Желаю здоровья, успеха и отличной сдачи экзаменов!». И подпись: Фирс. 31.12.70. [См.: Прим. 1]. Шишигин, как в воду глядел, впереди предстояли незабываемые дни и месяцы работы с ним над спектаклями «Штурманы грядущих бурь» и моим дипломом по пьесе В. Покровского «Как я отдыхал», которые закрепили нашу дружбу. Вскоре после окончания стажировки на книге, посвященной истории Волковского театра, Фирс Ефимович сделал еще одну памятную для меня надпись: «С удовольствием оставляю свой автограф на память о

нашей совместной работе... Помни только хорошее, как и я!!!» А дальше шла его знаменитая подпись: Фирс 11.07.1974 г. [См.: Прим. 2]

В течение многих лет, вплоть до кончины Мастера, мы часто виделись с ним сначала в Волковском театре, затем в Ярославском театральном училище, основателем и художественным руководителем которого он был, или у него дома. И он всегда спрашивал: «Ну, Сережа, что делаешь?..». Я имею ввиду не просто «как дела?», а то, что он подробно вникал в мою, начавшуюся после окончания института, работу в Харьковском театре юного зрителя. Его интересовало мое движение в профессии. Фирс Ефимович готов был помочь советом, подсказывал варианты правильного поведения с актерами в той или иной ситуации. Шишигину было важно то, как ученик (пусть не в прямую, но все-таки учившийся у него) живет и осваивается в профессиональной среде, как он начинает справляться с творческими и организационными проблемами в своих первых самостоятельных постановках. С его стороны это были настоящие уроки педагогики.

Последняя наша встреча состоялась в 1980 году. В моем архиве хранится фотография того памятного дня, на которой я стою рядом с Фирсом Ефимовичем у памятника Федору Волкову. При этом в памяти остался и наш полушутливый-полусерьезный разговор в театральном институте, где проходило праздничное собрание по случаю изменения статуса театрального училища, которое с этого года стало высшим учебным заведением. Шишигин неожиданно предложил мне, как выпускнику ЯТУ, выступить с речью. Я, растерявшись, спросил его, о чем мне говорить. Мастер с улыбкой ответил, что я могу говорить, о чем хочу, но при этом повторять через каждые три слова: «А Фирс Ефимович – хороший человек!». Во время своего выступления я говорил о многом, что связывало меня с ярославской театральной школой и, конечно же, повторял крылатую фразу моего учителя! А еще я говорил, обращаясь ко всем, что Фирс Ефимович Шишигин – это мощь, это масштаб личности!!!

Сейчас, через много лет, я понимаю, что Шишигин был большим педагогом (думаю, что в этом он был и сам уверен), мудрым наставником, воспитавшим не одно поколение талантливых учеников. Недаром же в дни юбилея Мастера заведующая литературной частью Театра им. Ф. Г. Волкова, считавшая также себя его ученицей, писала: «Это истинно русский Мастер сцены, который своим бескорыстным служением искусству сумел заложить в своих учениках и коллегах нечто высокое, настоящее, что так важно сегодня сохранить в себе, не растерять. Это и будет лучшей благодарностью учителю» [Юхотникова]. Воистину так!

Примечания

1. Из надписи на театральной программке, подаренной Ф. Е. Шишигиным автору статьи 30.12.1970 г., в день премьеры спектакля «Единственный свидетель». Программка хранится в архиве С. И. Гордеева.
2. Из надписи на книге Н. М. Севера «Летопись театра им. Ф. Г. Волкова», подаренной Ф. Е. Шишигиным автору статьи в 1974 г. Книга, выпущенная Верхне-Волжским книжным издательством в 1973 г., хранится в архиве С. И. Гордеева.

Библиографический список

1. Гордеев С. И. Режиссерский дневник спектакля «Единственный свидетель». Рукопись // Архив С. И. Гордеева. – Харьков. – Текст : непосредственный.
2. Юхотникова, К. Откровение / К. А. Юхотникова // Северный рабочий : ярославская областная газета. – 1988, 21 авг. – Ярославль, 1988. – Ежеднев. – Текст : непосредственный.